

ГЛАВА 5 РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Часть А. Происхождение и обоснование земельной собственности

Мы снова вернемся к сказанному выше, к тому моменту, где первобытно-феодалное государство дало начало городскому государству как своему отростку, чтобы проследить за дальнейшим ростом основной ветви. Поскольку судьба города-государства была определена **агломерацией***, той формой богатства**, в зависимости от которого государство держалось на своей орбите, то судьба материкового государства была обусловлена **агломерацией** такого богатства, которое, в свою очередь, контролирует его орбиту, в данном случае — это право владения земельной собственностью.

Ранее мы проследили экономическую дифференциацию в случае племен пастухов и показали, что уже здесь «**закон агломерации**» возле существующих центров богатств начинает доказывать свою эффективность, как только в игру вступают политические средства, будь они в форме войны за добычу или же в форме рабства. Мы видели, что племя различало дворян и простых вольных людей, ниже которых находились рабы, лишенные каких-либо политических прав и подчиняющиеся как низший класс. Такая

* Агломерация — это скопление, накапливание, сосредоточение; в данном случае термин «агломерация» используется в контексте «закона агломерации» — приращения, умножения богатства вместе с увеличением влияния и возрастанием власти обладающей им социальной группы. — *Прим. перев.*

** В случае городского и морского государства, о которых здесь идет речь, — это деньги, торговый и коммерческий капитал. — *Прим. перев.*

дифференциация богатства когда устанавливается в примитивном государстве, то очень резко обостряет контраст социального ранга. Данный факт становится еще более выраженным посредством урегулирования, в результате чего создается частная собственность на землю. Несомненно, существовали даже в то время, когда возникло первобытно-феодалное государство, существенные различия в количестве земель, которыми обладали отдельные лица, особенно если в племени скотоводов было четко отмечено разделение между княжескими владельцами больших стад и множества рабов и бедными простыми людьми. Эти князья занимают больше земли, что делает меньше владения свободных людей.

Во-первых, это происходит довольно безобидно и без следа какого-либо осознания того факта, что расширенное владение землей станет средством значительного увеличения социальной власти и богатства. В этом нет никаких сомнений, так как на этом этапе простые свободные люди были бы достаточно сильны, чтобы предотвратить формирование расширенных земельных владений, если бы они знали, что это в итоге принесет им вред. Но никто не мог предвидеть такую возможность. Земли в том состоянии, в котором мы их наблюдаем, не имеют значения. По этой причине объектом и добычей состязания было не владение землями, а землей с ее крестьянами, причем последние, крепостные, были связаны с землей (*gleboe adscripti* из нашего последнего закона) в качестве рабочего материала и «рабочего мотора», в сочетании которых и из сочетания которых с землей растет объект политических средств, а именно — земельная рента.

В то время каждый волен взять столько необработанной земли, сколько ему нужно, сколько он захочет или сможет возделывать. Маловероятно, что кто-то захочет отмерять себе еще другие, дополнительные части очевидно безграничного запаса, как и то, что кто-то захочет распределять запасы атмосферного воздуха.

Князья знатных кланов, вероятно, с самого начала благодаря использованию племен скотоводов получают

большее количество «земель и крестьян», чем обычные свободные люди. Это их право как князей, потому что они являются патриархами, военными лордами и капитанами, которые поддерживают свои воинственные свиты полусвободных людей, слуг, клиентов или беженцев. Это, вероятно, составляет значительную разницу в количествах первобытной земельной собственности. Но это еще не всё. Князьям еще нужна бóльшая площадь «земли без крестьян», чем обычным свободным людям, потому что они приносят с собой своих слуг и рабов. Однако они (слуги) не имеют правового статуса и не способны, согласно универсальным концепциям народного права, приобрести право собственности на землю. Но, поскольку они должны иметь землю, чтобы жить, их хозяин берет землю для них, чтобы поселить их там. В результате чем богаче князь племени кочевников, тем могущественнее становится территориальный магнат.

Но это означает, что богатство, а вместе с ним и социальный ранг, закрепляются прочнее и долговечнее, чем на стадии пастушьей собственности. Ибо самые большие стада могут быть потеряны, но земельная собственность неистребима; а люди, обязанные трудиться, приносящие ренту, воспроизводят свой род даже после самой страшной резни, даже если они не могут быть полностью восполнены охотой на рабов.

Возле этого фиксированного центра богатства собственность начинает сосредотачиваться и прирастать, «агломерировать», со всевозрастающей скоростью. Как ни безобидно происходила первая оккупация земель, людям вскоре пришлось признать тот факт, что арендная плата увеличивается с ростом числа рабов, которых можно заселить на незанятых землях. Отныне внешняя политика феодалного государства больше не направлена на приобретение земли с крестьянами, а только на то, чтобы крестьян без земли завести домой в качестве крепостных и там их заново колонизировать. Когда целое государство ведет захватническую войну или грабительскую экспедицию, дворяне получают львиную долю.

Очень часто, однако, они уходят сами по себе, сопровождаемые только своей свитой, и тогда простой свободный человек, оставаясь дома, не получает никакой доли в добыче. Таким образом, порочный круг постоянно и стремительно расширяется с увеличением богатства земель, принадлежащих дворянам. Чем больше рабов у дворянина, тем больше арендной платы он может с них получить. С этим, в свою очередь, он может привлечь и поддерживать воинственных приверженцев, состоящих из слуг, наемников, мародеров и беженцев. С их помощью он может, в свою очередь, захватить еще больше рабов, чтобы увеличить свою арендную плату.

Этот процесс происходит даже там, где существует некая центральная власть, которая, в соответствии с общим законом народа, имеет право распоряжаться необработанными землями; при этом во многих случаях это происходит не только по милости, но часто и по прямому разрешению этой власти. Пока феодальный магнат остается покорным вассалом короны, в интересах короля сделать его как можно более сильным. Таким образом, его военная свита, которая будет передана в распоряжение короны во время войны, соответственно увеличивается. Мы приведем здесь только один пример, чтобы показать, что необходимое следствие во всемирной истории не ограничивается хорошо известным эффектом в феодальных государствах Западной Европы, а вытекает из этих предпосылок даже при совершенно различных условиях: «Основная служба на Фиджи состояла в военных действиях; и если результат был успешным, это означало предоставление новых земель, в том числе их жителей в качестве рабов и, таким образом, приводило к принятию новых обязательств»⁹¹.

Это всевозрастающее накопление земельной собственности в руках помещичьего дворянства приводит первобытное феодальное государство к его более высокому уровню, к «законченному феодальному государству» с полной шкалой феодальных рангов.

Ссылка на предыдущую работу автора, основанную на изучении первичных источников, покажет ту же причинно-следственную связь для немецких земель⁹², и в этой публикации было указано, что во всех известных случаях происходит процесс, идентичный в его основных направлениях развития. Только на основании этой линии рассуждений можно объяснить тот факт, на примере Японии, что ее феодальная система развилась в те точные детали, которые хорошо известны исследователям европейской истории, хотя Япония населена расой, принципиально отличной от ариан; кроме того (сильный аргумент против придания слишком большого веса материалистическому взгляду на историю), процесс земледелия в Японии находится на совершенно иной технической основе, поскольку японцы не занимаются культивированием, использующим крупный скот с плугом, а только с мотыгой.

В данном случае, как и во всей этой книге, исследуется не судьба отдельного народа; цель автора в том, чтобы рассказать о типичном развитии, универсальных последствиях одних и тех же основных черт человечества, где бы они ни находились. Предполагая знание двух наиболее великолепных примеров расширенного феодального государства, Западной Европы и Японии, мы в основном ограничимся менее известными случаями и, насколько это возможно, отдадим свое предпочтение материалу, взятому из этнографии, а не из истории, с ее более узким смыслом*.

Процесс, о котором сейчас пойдет речь, — это постепенно происходящее, но в корне революционное изменение политической и социальной артикуляции первобытного феодального государства: когда центральная власть теряет свою политическую власть над помещичьим дворянством, а простой свободный человек теряет

* Здесь автор имеет в виду, что официальная «история» — это история господствующих государств, а не завоеванных и подчиненных народов, и такая «история» не отражает настоящей исторической действительности. — *Прим. перев.*

свой статус, в то время как подчиненный государству «субъект» — возвышается.

Часть Б. Центральная Власть в Прimitивном Феодалном Государстве

Патриарх племени скотоводов хотя и наделен властью, которая вытекает из его военного и государственного служения, но обычно не имеет деспотических полномочий. То же самое можно сказать и о «короле» небольшого оседлого сообщества, где, вообще говоря, он может осуществлять очень ограниченное командование. С другой стороны, как только некоторым военным гениям удастся объединить многочисленные племена скотоводов в одну мощную массу воинов, деспотическая централизованная власть становится прямым и неизбежным следствием этого⁹³. Как только начинается война, истину Гомера: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель!»* — признают самые недисциплинированные племена, и это становится фактом, который требует объяснения. Свободные первобытные охотники оказывают своему избранному вождю безоговорочное послушание, находясь на пути войны; свободные казаки Украины, не признавая никакой власти в мирное время, подчиняются власти своего гетмана в вопросах жизни и смерти во время войны. Такое повиновение своему военачальнику является характерной психологической чертой каждого настоящего воина**.

* Этот стих Гомера («Илиада», II. 204—205) повторяли в Греции как лозунг сторонники единовластия или олигархии (см., напр.: *Феофраст. Характеры* / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1974. С. 35. XXVI, 2). Перевод на русский и примечание даются по изданию: *Гомер. Илиада*. Л.: Наука, 1990. — *Прим. перев.*

** Подобный момент хорошо описан в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря: «Ко времени его, Цезаря, прихода туда уже успели собраться бльшие, чем прежде, силы британцев, предоставивших, по общему решению, верховную власть и высшее командование Кассивеллауну... В прежнее время

Вождями великих миграций кочевников являются всемогущественные деспоты: Аттила, Омар, Чингисхан, Тамерлан, Мосиликаце, Кечвайо*. Точно так же мы находим, что всякий раз, когда возникало могущественное материковое государство в результате объединения ряда примитивных феодальных государств, вначале существовала сильная центральная власть. Примеры этого можно увидеть в случаях Саргона Кира, Хлодовака, Карла Великого, Болеслава Красного. Иногда, особенно до тех пор, пока основное государство еще не достигло своих географических или социологических границ, централизованная власть оставалась нетронутой в руках ряда сильных монархов, которые вырождаются в некоторых случаях до безумного деспотизма и безумия некоторых Цезарей: особенно мы находим вопиющие примеры этого в Месопотамии и в Африке. Мы лишь коснемся этого этапа, тем более что он мало влияет на окончательное развитие форм правления. Однако следует отметить, что развитие формы правления деспотизма зависит главным образом от того, каким может быть священный (жреческий) статус правителей, помимо их положения в качестве военачальников, и от того, будут ли они считать монополию на торговлю своим дополнительным королевским правом.

Комбинация Цезаря и Папы (Жреца) имеет тенденцию во всех случаях развивать крайние формы деспотизма; в то время как разделение духовных и светских функций приводит к тому, что их представители взаимно сдерживают и уравнивают друг друга. Характерный пример можно найти в условиях, преобладающих среди малайских государств Восточно-Индийского архипелага, подлинных «морских государств», чье происхождение явля-

у него, Кассивеллауна, были постоянные войны с соседними племенами, но наш приход побудил всех британцев поручить ему верховное руководство войной». — *Прим. перев.*

* *Mosilikatse*, предводитель племени Матабеле в Центральной Африке; *Ketchwayo или Cetewayo* (Кетуэйю) — предводитель племени зулусов. — *Прим. перев.*

ется точным повторением греческого морского государства. Прямо говоря, князь имеет среди них настолько мало власти, насколько, скажем, король в начале истории аттических государств. Вожди кланов (в Сулу — Дато, в Ачине — Панглима), как и в случае с Афинами, обладают реальной властью. Но там, где «как в Тобе, религиозные мотивы наделяют правителей положением папы в миниатюре, обнаруживается совершенно другая картина. Тогда Панглима полностью зависят от Раджи и поголовно являются его служащими»⁹⁴.

Говоря о хорошо известном факте, когда аристократы и вожди кланов в Афинах и Риме упразднили царство, они сохранили формально старый титул и предоставили его в пользование сановнику, в ином случае политически бессильному, для того, чтобы боги могли получать свои жертвоприношения привычным способом и надлежащим образом. По той же самой причине во многих случаях потомок бывшего племенного царя сохраняется как сановник, в других отношениях совершенно не обладающий никакой властью, в то время как фактическая власть правительства уже давно передана какому-то военному предводителю; как и в более поздней империи Меровингов, мэры дворца Каролингов (Мажордома) правили вместе с «долго запертым королем», Рексом Кринитусом (*Rex Crinitus*), из рода Меровечей; так же и в Японии Сегун правил рядом с Микадо, а в Империи инков воевода инков правил рядом со жрецом Уиллкаумой, который постепенно был ограничен только своими жреческими функциями*.⁹⁵

В дополнение к должности верховного понтифика власть главы государства часто чрезвычайно сильно

* В Египте мы находим подобное положение дел, помимо фанатичного Аменхотепа IV, у Мажордома дворца Харемхеба, которому «удалось объединить в своих руках высшие военные и административные функции империи, пока он осуществлял свои полномочия регента государства» (Schneider, *Civilization and Thought of the Ancient Egyptians*. Leipzig, 1907, p. 22). — *Прим. авт.*

увеличивается торговой монополией, функцией, которую выполняют первобытные вожди как естественное следствие мирного обмена гостевыми дарами. Такая торговая монополия, например, осуществлялась царем Соломоном, а позже римским императором Фридрихом II*, 96.

Как правило, негритянские вожди являются «монополистами торговли»⁹⁷, как и король Сулу⁹⁸. В Галле, где признается верховенство главного вождя, он становится «само собой разумеющимся торговцем для своего племени; поскольку ни одному из его подданных не позволено торговать с чужеземцами напрямую»⁹⁹. Среди Бароцзе и Мабунды царь «в соответствии со строгим толкованием закона является единственным торговцем своей страны»¹⁰⁰.

Ратцель отмечает важность этого фактора: «В дополнение к своему колдовству вождь увеличивает свою власть за счет монополии на торговлю. Поскольку вождь — единственный посредник в торговле, то всё, желаемое его подданными, проходит через его руки, и он становится дарителем всех желанных даров, исполнителем самых заветных желаний. В такой системе, безусловно, кроются возможности великой власти»¹⁰¹. Если в завоеванных областях, где власть правительства может быть трудно выполнимой, будет еще добавлена монополия на торговлю, то королевская власть здесь может стать очень сильной.

Можно утверждать в качестве общего правила, что даже в самых, казалось бы, явно крайних случаях деспотизма не существует монархического абсолютизма. Правитель может, не боясь понести наказание, гневаться на свой класс подданных; но он в немалой степени сдерживается своими феодалными сторонниками. Ратцель, говоря о предмете в целом, отмечает: «Так называемое “придворное собрание” африканских или древнеамериканских вождей, вероятно, всегда является советом.... **Хотя мы встречаем-ся со следами абсолютизма у всех народов на низком уровне,**

* Ср.: *Acta Imperii, or Huillard-Breholles*, Н. D. Fred. II. — *Прим. амер. перев.*

даже в тех случаях, когда форма правления является республиканской, причина абсолютизма заключается не в силе государства или вождя, а в моральной слабости индивида, который уступает без какого-либо эффективного сопротивления властям, которые властвуют над ним»¹⁰².

Королевство Зулу — это ограниченный деспотизм, в котором власть разделяют очень могущественные министры государства (Индуна); с другими племенами кафиров — это совет, иногда доминирующий над людьми и над вождями¹⁰³. Несмотря на такой контроль, «при Чаке каждое чихание или кашель в присутствии тирана, а также всякое отсутствие слез при смерти какого-то королевского родственника карались смертью»¹⁰⁴. Такое же ограничение распространяется на западноафриканские королевства Дахоми и Ашанти, печально известные своими ужасными варварствами. «Несмотря на растрату человеческой жизни во время войны, работоторговли и человеческих жертвоприношений, нигде не существовало абсолютного деспотизма...» Боудич отмечает сходство системы, господствующей в Ашанти, с ее рангами и порядками, со старой персидской системой, описанной Геродотом¹⁰⁵.

Надо быть очень осторожным, и на этом нужно снова настаивать, чтобы не путать деспотизм с абсолютизмом. **Даже в феодальных государствах Западной Европы правители во многих случаях пользовались властью жизни и смерти, свободной от оков закона; но тем не менее такой правитель был бессильным против своих «магнатов». Пока правитель не вмешивается в привилегии классов, ему не нужно сдерживать свою жестокость, и он может даже иногда жертвовать одним из великих людей; но горе ему, если он осмелится коснуться экономических привилегий своих магнатов.** В великих Восточно-Африканских империях можно исследовать этот весьма характерный этап, совершенно свободный с точки зрения закона и тем не менее тесно связанный политическими ограничениями: «Правительство Ваганды и Ваньюро теоретически основано на господстве царя над всей территорией; но в действительности это

всего лишь видимость правления, поскольку на самом деле земли принадлежат верховным вождям империи. Именно они представляли народную оппозицию иностранным влияниям во времена Мтеса; и Муанга не смел, из-за страха перед ними, проводить какие-либо нововведения. Хотя царствование в действительности ограничено, по форме оно производит сильное впечатление в занимаемом положении. Правитель является абсолютным хозяином над жизнями и головами своих подданных, массой людей и чувствует себя ограниченным только в самом узком кругу верховных царедворцев»¹⁰⁶.

То же утверждение относится и к жителям Океании, говоря о последних великих обществах, которые создали государства: «Нигде нельзя найти полного отсутствия представительного посредничества между князем и народом... Аристократический принцип контролирует и корректирует патриархальный. Поэтому крайности деспотизма зависят больше от классового и кастового давления, чем от подчиняющей воли любого индивида»¹⁰⁷.

Часть В. Политическая и социальная дезинтеграция Примитивного Феодалного Государства

Объем работы не позволяет нам детализировать бесчисленные оттенки, при которых патриархально-аристократическая (в некоторых случаях плутократическая) смесь форм правления в первобытном феодалном государстве показана в этнографическом, историческом или юридическом исследованиях. Но это также имеет огромное значение для последующего развития.

Безразлично, сколько власти мог иметь правитель в начале, неизбежная судьба разрушает его власть за короткое время; и делает это, можно сказать, тем быстрее, чем больше была эта власть, т.е. чем больше территория первобытного феодалного государства и чем выше уровень его развития.

Принимая во внимание уже рассмотренный процесс, который, путем оккупации и заселения неиспользуемых

земель с помощью вновь приобретенных рабов, способствовал увеличению власти отдельных дворян, был достигнут результат, который может оказаться неудобным для центральной власти. Теодор Момзен, говоря о кельтах, замечает: «Когда в клане, насчитывающем около восьмидесяти тысяч вооруженных людей, один из вождей может появиться на созыве с десятью тысячами последователей, исключая его крепостных и должников, становится ясно, что такой дворянин был скорее независимым князем, чем простым гражданином своего клана»¹⁰⁸. И то же самое может относиться к племени «Хэйу» из Сомали, где великий землевладелец содержал сотни семей в зависимости от своих земель, «так что условия в стране Сомали напоминают те, которые существовали в Средневековой Европе во времена феодализма»¹⁰⁹.

Хотя такое преобладание изолированных территориальных магнатов может произойти и в феодальном государстве низкого развития, оно тем не менее достигает кульминации в феодальном государстве более высокого уровня, высшем феодальном государстве; это происходит по причине увеличения власти, данной военачальникам благодаря предоставлению им еще государственных должностных функций.

Чем больше расширяется государство, тем больше официальной власти должно быть делегировано от центрального правительства его представителям на границах и приграничных территориях, которым постоянно угрожают войны и восстания. Для того чтобы сохранить свой бейливик* в безопасности для государства, такой чиновник должен быть наделен высшими военными полномочиями, объединенными с функциями высших административных должностных лиц. Даже если ему не требуется большого количества гражданских служащих, он все равно должен иметь постоянную военную силу. И как он должен платить этим людям? За одним возможным исключением, которое будет отмечено ниже, нет никаких налогов, которые по-

* Вотчину, зону ответственности. — *Прим. перев.*

ступают в казну центрального правительства, а затем снова возвращаются на землю, поскольку они предполагают экономическое развитие, существующее только там, где используются деньги. Но в сообществах, имеющих систему платежей в натуральной форме, которыми являются все «материковые государства», нет никаких налогов, подлежащих выплате деньгами. По этой причине у центрального правительства нет иного выбора, кроме как передать князьям, пограничникам или сатрапам доход от своей территориальной юрисдикции.

Таким образом, такое должностное лицо получает пошлины от подданных, определяет, когда и где должен быть выполнен принудительный труд, получает деоданды (конфискат), штрафы и сборы, подлежащие уплате за крупный рогатый скот, и т.д.; и с учетом всего этого они должны поддерживать вооруженные силы, предоставлять определенное количество вооруженных людей в распоряжение центрального правительства, строить и поддерживать дороги и мосты, кормить и содержать правителя и его сторонников или его «царских посланников» и, наконец, обеспечивать определенное «*Sergeantry*»*, состоящее из очень ценных товаров, легко перевозимых ко двору: лошади, крупный рогатый скот, рабы, драгоценные металлы, меха, вина и т.д. Другими словами, он получает за свои услуги огромное поместье. Если раньше это было невозможно, то теперь он становится величайшим человеком в своей стране, хотя раньше он, вероятно, был самым влиятельным землевладельцем в своем государственном округе. В дальнейшем он будет делать именно то, что делают его ровесники по рангу, хотя они могут не иметь его официального положения; т.е. он будет, только в гораздо большем масштабе, продолжать заселять новые земли все

* *Serjeantry, serjeanty*, или сержанство, — в европейском феодальном обществе форма землевладения, предоставляемая в обмен на выполнение определенных услуг для лорда. — *Прим. перев.*

новыми захваченными рабами. Этим он увеличивает свою военную мощь; и это должно желать и поддерживать центральное правительство. Ибо судьба этих феодальных государств состоит в том, что они должны откормить эти самые местные силы, которые затем должны поглотить их.

Возникают условия, которые позволяют начальнику пограничных областей навязывать условия своей военной помощи, особенно в неизбежных распрях, возникающих из-за права наследования центрального правительства. Тем самым он получает дополнительные ценные уступки, особенно официальное признание наследуемости своего официального феода, так что должность и земли становятся одним владением. Таким образом, он постепенно становится почти независимым от центральной власти, и жалоба русского крестьянина: «Небо высоко, и царь далеко» — имеет тенденцию становиться универсальной.

Возьмем такой характерный пример из Африки: «Империя Лунда — это абсолютное феодальное государство. Вождям (Муата, Мона, Муене) разрешено самостоятельно действовать во всех внутренних делах до тех пор, пока это нравится Муата Джамво. Обычно великие вожди, живя вдалеке, один раз в год отправляют свои караваны с данью в Муссумбу, но те, кто живут на слишком большом расстоянии, иногда в течение длительных периодов времени не платят никакой дани, в то время как подобные вожди отправляют дань несколько раз в год»¹¹⁰.

Ничто не может показать более ясно, чем данный пример, как из-за неадекватности средств транспортировки протяженность расстояния становится политически значимой в этих государствах, свободно связанных друг с другом и находящихся в состоянии платежа в натуральной форме. Можно даже сказать, что независимость феодальных хозяев возрастает прямо пропорционально квадрату их расстояния от места расположения центральной власти. Корона должна платить все больше и больше за их услуги и должна постепенно утвердить их во всех суверенных полномочиях государства или же позволить им узурпировать

эти полномочия после того, как они захватили их один за другим. К ним относятся наследуемость феодальных владений, пошлины на перевозку и торговлю (на более позднем этапе право чеканки монет), высшее и низшее правосудие*, право требовать для частной выгоды общественные обязанности по ремонту дорог и мостов (на старом английском *trinodis necessitas*) и распоряжение военной службой и военной повинностью.

Таким образом, могущественные пограничные надзиратели постепенно обретают все большую и, наконец, полную фактическую независимость, хотя формальная связь феодального сюзеренитета может долгое время удерживать вместе вновь образованные княжества.

Читатель, конечно же, вспоминает случаи этих типичных переходов; вся средневековая история — одна из них; не только империи Меровингов и Каролингов, не только Германия, но также Франция, Италия, Испания, Польша, Богемия, Венгрия, а также Япония и Китай¹¹¹ прошли через этот процесс разложения не только один раз, но и неоднократно. И это не менее верно в отношении феодальных государств Месопотамии: великие империи следуют друг за другом, приобретают власть, раз за разом распадаются и снова объединяются. В случае с Персией нам прямо говорят: «Отдельные государства и провинции в результате успешного восстания получили свободу на более или менее продолжительный срок, и их “великий царь” в Сузах не всегда имел власть заставить их вернуться к повиновению; в других государствах сатрапы или воинственные вожди правили самовольно, осуществляя свое правление насильственно и вероломно либо как независимые правители, либо как обремененные царской данью цари царей. Персидская мировая империя, существовавшая в виде агломерации государств и земель, пошла на распад, без какого-либо общего права, без упорядоченного управления,

* В старом европейском законодательстве правосудие крупных и мелких правонарушений. — *Прим. перев.*

без единой судебной системы, без порядка и исполнения законов, а также без всякой возможности удержаться»¹¹².

Похожая судьба постигла и ее соседа в долине Нила: «Князья, происходящие из семей узурпаторов, свободных военачальников, которые платят земельные налоги только королю и управляют отведенными полосами или участками земли. Эти местечковые князья управляют территорией, специально выделенной им как относящейся к их официальному положению и отделенной от их семейных, зависимых от короля владений».

«Более поздние успешные военные действия, возможно, заполнившие пропасть между Древней и Средней (Египетской) империей, вместе с захватом военнопленных, которые могли быть использованы в качестве «рабочих моторов», привели к более жесткой эксплуатации подданных, безусловной зависимости от дани. **Во времена Средней Империи власть князей кланов возросла до огромной высоты, они поддерживали большие дворы, имитируя великолепие королевского истеблишмента**»¹¹³. «С упадком королевской власти в период распада высшие должностные лица используют свою власть в личных целях и чтобы сделать свои должности наследуемыми в своих семьях»*,¹¹⁴.

* Масперо пишет: «До тех пор когда фактически первосвященник был избран и назначен царем; со времен Рамсеса III он всегда выбирался из одной и той же семьи, и сын сменял отца на папском престоле, и с того времени события развивались быстро. Фивский «mortmain» (неотчуждаемое владение, постоянное неотъемлемое владение недвижимостью; например, церковному учреждению запрещается передавать или продавать свою собственность. — *Перев.*) был удвоен настоящим сеньорским феодальным владением, который его хозяева увеличивали за счет браков с наследниками соседних феодальных владений путем постоянных завещаний от одной ветви семейства к другой и путем размещения воспитанников от каждого поколения во главе духовенства некоторых второстепенных городов. Официальный протокол должностей, занимаемых их женами, показывает, что через столетие или полтора после Рамсеса III почти вся Фиваида, около трети египетской

Но действие этого исторического закона не ограничивается «историческими» народами. Говоря о феодальных государствах Индии, Ратцель утверждает: «Даже за пределами Раджистана дворяне часто пользовались большой степенью независимости, поэтому даже в Хайдерабаде, после того как Низам приобрел единоличное господство над страной, Умары или Набобы сохраняли свои собственные войска, независимые от армии Низама. Эти меньшие феодальные вассалы не соответствовали возросшим требованиям современности в отношении управления индийскими государствами так же часто, как это делали великие князья»¹¹⁵.

Наконец, в Африке великие феодальные государства появляются и исчезают одно за другим, словно возникающие и лопающиеся пузырьки, исходящие из потока вечного подобных явлений. Могущественная империя Ашанти в течение полутора столетий сократилась до менее чем одной пятой своей территории¹¹⁶; и многие из империй, с которыми столкнулись португальцы, с тех пор исчезли, не оставив и следа своего существования. И всё же это были сильные феодальные державы: «Величественные и жестокие негритянские империи, такие как Бенин, Дагомея или Ашанти, во многих отношениях напоминают древние Перу или Мексику, имеющие в своих окрестностях политически дезорганизованные племена. Наследственное дворянство Мфума, резко отделенное от остальной части государства, имело главным образом управление округами и, совместно с более переходящей обслуживающей знатью, образовывало в Лоанго крепкие опоры правителя и его двора»¹¹⁷.

Но всякий раз, когда такое государство, некогда могущественное, раскалывается на ряд материковых государств, либо де-факто, либо юридически независимых, первый процесс начинается заново. Великое государство пожирает меньшие, пока не возникнет новая империя. «Величай-

территории, находилась в руках первосвященника Амона и членов его семьи» (Maspero, *New Light on Ancient Egypt*, pp. 218—219). — *Прим. амер. перев.*

шие территориальные магнаты впоследствии становятся императорами», — лаконично говорит Мейтцен о Германии¹¹⁸. Но даже такое великое поле деятельности исчезает, разделенное необходимостью оснащения воинственных вассалов феодальными владениями. «Вскоре короли обнаружили, что они пожертвовали всё, принадлежащее им; все их огромные территориальные владения в Дельте растаяли», — пишет Шнайдер (I. с. р. 38) о фараонах шестой династии. Те же самые причины вызвали схожие последствия во Франкской империи как среди Меровингов, так и среди Каролингов; и позднее в Германии в случае Саксонских и Гогенштауфенских императоров¹¹⁹. Дополнительные сноски здесь не нужны, так как каждый знаком с этими примерами.

В следующей части данного трактата мы рассмотрим главные причины, которые окончательно освободили первобытное феодальное государство от этого проклятия, его бесконечного вращения от агломерации к распаду. Теперь наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть социальную сторону этого процесса, как мы уже рассматривали его историческую фазу. Она самым решительным образом изменяет артикуляцию классов.

Простые свободные люди и низшие слои из господствующей группы поражаются превосходящей силой. Они погружаются в рабство. Их распад неминуемо происходит вместе с распадом центральной власти; поскольку и те и другие, можно так сказать, заложники одной беды, одновременно подвергаются угрозе со стороны разрастающейся власти великих территориальных правителей. Король контролирует земельного магната до тех пор, пока призыв простых свободных людей в регионе является превосходящей силой для его охраны, для его «последователей». Но роковая необходимость, уже изложенная выше, побуждает короля отдавать больше свободных крестьян земельному магнату, и с того момента, когда призыв на службу становится слабее, чем его охранники, свобода крестьян пропадает.

В тех случаях, когда суверенные полномочия государства делегируются территориальному магнату, т.е. когда он более

или менее превращается в независимого правителя региона, низвержение свобод крестьян, по меньшей мере, осуществляется под видом закона: путем принуждения к чрезмерным военным услугам, которые разоряют крестьян и которые требуются тем чаще, чем больше династические интересы территориального правителя требуют новых земель и новых крестьян; или путем злоупотребления правом на принудительный каторжный труд; или путем превращения отправления общественного правосудия в военное угнетение.

Простые свободные люди, однако, получают окончательный удар либо от формального делегирования, либо от узурпации важнейшей привилегии короля: отчуждения незанятых земель, или «всеобщего достояния». Первоначально эта земля принадлежала всему «народу» совместно; т.е. свободным людям для свободного общего пользования; но, в соответствии с первоначальным обычаем, вероятно всеобщим, патриарх может пользоваться этой землей. Это право распоряжения переходит и к территориальному магнату с оставшимися королевскими привилегиями, — и, таким образом, он получает власть задушить любых немногих оставшихся свободных людей. Теперь он объявляет все незанятые земли своей собственностью и запрещает их заселение свободными крестьянами, в то время как доступ разрешается только тем, кто признает его превосходительство; т.е. тем, кто вверит ему себя во служение или станет его крепостными.

Это был последний гвоздь в гроб простых свободных людей. До этих пор равенство их владений было каким-то образом гарантировано. Даже если у крестьянина было двенадцать сыновей, его поместье не было разделено, потому что одиннадцать из них распахивали себе новые «семейные наделы» земли, доступной в распоряжении общины или из общественной земли, еще не распределенной по другим деревням*.

* То есть при росте семей или поместий до запрета на присвоение свободных земель земельные владения у простых

Отныне это невозможно, «семейные наделы» имеют тенденцию разделяться там, где вырастают большие семьи, другие объединяются, когда наследник и наследница вступают в союз: отныне появляются «рабочие», набираемые из владельцев половины, четверти или даже восьмой части «семейного надела», которые теперь помогают работать на бóльшей площади. Таким образом, свободное крестьянство распадается на богатых и бедных; это начинает ослаблять общинные узы, которые до этих пор делали общинную связь нерушимой.

Поэтому теперь, когда какой-нибудь товарищ, подавленный поборами господина, становится его вассалом, или если крепостные крестьяне поселяются среди первоначальных хозяев, чтобы занять какой-то их семейный надел, освобожденный по причине вымирания семьи или попавший в руки господина из-за долга ее владельца, тогда всякое общественное единство ослабляется; и крестьянство, разделенное классовыми и экономическими контрастами, передается без всякого сопротивления магнату.

С другой стороны, такой же результат, когда у магната нет узурпированных властных полномочий государства. В таких случаях неприкрытая сила и циничное нарушение прав преследуют те же цели. Правитель же, далекий и бессильный, скованный зависимостью от благоволения и содействия этих нарушителей правопорядка, не имеет здесь никакой власти, ни возможности для вмешательства.

В данном случае вряд ли нужно приводить примеры. Свободное крестьянство Германии подвергалось процессам экспроприации и деклассирования не менее трех раз. Однажды это случилось в кельтские времена¹²⁰. Второе свержение свободных крестьян старой германской империи произошло в девятом и десятом веках. Третья трагедия

свободных людей умножились; но после запрета на присвоение свободных земель владения простых свободных людей стали дробиться и уменьшаться, а люди стали нищать. — *Прим. перев.*

того же вида началась в XV веке в странах, ранее славянских, которые они завоевали и колонизировали¹²¹. Хуже обстояли дела у крестьян в таких землях, как «дворянские республики», где не было монархической центральной власти, общность интересов которой со своими подданными имела тенденцию лишать угнетение его самых худших черт. Кельты в Галлии во времена Цезаря — один из самых ранних примеров. Здесь «великие семьи» пользовались экономическим, военным и политическим перевесом. Они монополизировали аренду доходных прав государства.

Они заставляли простых свободных людей, перегруженных налогами, которые они сами же на них наложили, занимать у них в долг, а затем, сначала как их должников, а затем, на законных основаниях, как их крепостных, отказываться от своей свободы. В своих собственных интересах они разработали систему последователей, т.е. привилегию дворян иметь при себе массу вооруженных слуг, называемых амбактами, при помощи которых они образовали государство внутри государства. Опираясь на них, своих собственных вооруженных людей, они бросили вызов законным властям и пошлинам свободных людей и, таким образом, смогли расколоть государство. Единственная защита, которая была найдена в этом случае, была в зависимости от крепостного права, где личный долг и интерес требовали от лорда защищать своих клиентов и отомстить за любое зло его людям. Поскольку у государства больше не было власти защищать свободных людей, они все чаще становились вассалами какого-нибудь могущественного дворянина¹²².

Мы находим эти идентичные условия спустя полторы тысячи лет в Курляндии, Ливонии, в шведской Померании, в Восточном Гольштейне, в Мекленбурге и особенно в Польше. На германских землях мелкая знать порабощала свое крестьянство, а в Польше добычей ее был прежде свободный и благородный Шлахциз. «Всеобщая история однообразна», — говорит Ратцель. Таким же образом было свергнуто крестьянство Древнего Египта: «После воин-

ственного интермеццо наступает период в истории Средней империи, который приводит к ухудшению положения крестьянства в Нижнем Египте. Число землевладельцев уменьшается, а размер их территорий и власть намного возрастают. Дань крестьян в дальнейшем определяется точной оценкой их состояния и обязательно фиксируется в Книге Судного Дня. В результате такого давления многие крестьяне вскоре попадают во двор господина или в города местных правителей и нанимаются там на работу либо в качестве слуг, механиков, либо даже в качестве смотрителей при хозяйствах этих усадеб или дворов. В совокупности со всеми доступными пленниками они способствуют расширению княжеских владений и дальнейшему повсеместному изгнанию крестьянства из своих владений»¹²³.

Пример Римской империи, как ничто иное, показывает, насколько неизбежным становится этот процесс. Когда мы впервые встречаемся с Римом в истории, понятие крепостного права или рабства уже забыто. Когда открывается «современный период» Рима, известно только рабство. И еще в течение пятнадцати веков свободное крестьянство опять погружается в экономическую зависимость, после того как Рим превратился в чрезмерно обширную, громоздкую империю, пограничные районы которой все больше и больше распадаются из-под центрального контроля. Крупные землевладельцы, наделенные низшим правосудием и полицейским управлением в своих собственных владениях, «низвели своих слуг, которые изначально могли быть свободными владельцами «*Ager privatus vectigalis*» («поле частных доходов» в римском праве), до состояния рабства и, таким образом, разработали что-то вроде настоящего «*adscriptus glebae*» («прикрепление к земле» в римском праве), в пределах своих «иммунитетов»¹²⁴. **Вторгшиеся во владения Римской империи германцы обнаружили, что такой феодальный порядок сложился в Галлии и других провинциях. Именно в это время огромное различие, существовавшее раньше между рабами и свободными поселенцами (колонами), было полностью уничтожено, сначала в их**

экономическом положении, а затем, что естественно, и в их конституционных правах.

Повсеместно, где простые свободные люди попадают в политическую и экономическую зависимость от крупных территориальных магнатов, когда, другими словами, они становятся привязанными либо ко двору, либо к земле, социальная группа, ранее подчинявшаяся им, стремится в соответственной мере улучшить свой статус. Оба слоя имеют тенденцию встречаться на полпути, приближаться к своему положению и, наконец, объединяться. Наблюдения, только что сделанные относительно свободных поселенцев и сельскохозяйственных рабов поздней Римской империи, справедливы повсюду. Таким образом, в Германии свободные и крепостные вместе образовали, когда они сливались, экономически и юридически объединенную группу *Grundholde* (крепостных крестьян) или людей, прикрепленных к земле¹²⁵.

Возвышение бывших «подданных», далее для краткости именуемых «плебеями», происходит из того же источника, из которого происходит и унижение свободного человека, и возникает из той же неизбежности и из тех же оснований, на которых эти самые государства возводятся, а именно из «агломерации», из сосредоточения все большей земельной собственности во все меньшем количестве рук.

Плебеи — естественные противники центрального правительства, поскольку оно является их завоевателем и налоговым инспектором; в то же время они, естественно, выступают против простых свободных людей, которые презирают их и угнетают их политически, а также вытесняют их экономически. Крупный магнат также естественный противник центрального правительства, — препятствие на пути к его полной независимости, и в то же время он также естественный враг простых свободных людей, которые, в свою очередь, не только поддерживают центральное правительство, но они своими владениями блокируют магнату его путь к территориальному господству, в то же время своими претензиями на равенство политиче-

ских прав они ущемляют и раздражают его княжеское величие. Поскольку политические и социальные интересы наместных князей и плебеев совпадают, они должны стать союзниками; князь может достичь полной независимости только в том случае, если в его борьбе за власть против короля и против простых свободных людей он контролирует верных воинов и податливых налогоплательщиков; поэтому плебеи могут быть освобождены от своей принадлежности к отверженным изгоям только в том случае, как в экономическом, так и в социальном плане, если ненавидимые ими и гордые простые свободные люди будут низведены до их низкого уровня.

Это уже второй раз, когда мы отмечаем идентичность интересов между князьями и их подданными. В первый раз мы обнаружили слаборазвитую солидарность интересов завоеванных и завоевателей на втором этапе становления государства. **Это заставляет полусуверенного князя относиться к своим зависимым арендаторам настолько же хорошо, насколько плохо он обращается со свободными крестьянами на своей территории; вследствие этого его подчиненные будут тем охотнее бороться за него и вносить налоги, чем охотнее угнетаемые свободные люди будут поддаваться его давлению, особенно когда их доля политической власти в государстве, следующая за упадком центральной власти, становится лишь пустым звуком.** В некоторых случаях, как, например, в Германии к концу X века, это было сделано с полным осознанием всех последствий¹²⁶, — некоторые князья осуществляли особенно «мягкое» правление, чтобы привлечь подданных соседнего властителя в свои земли и таким образом увеличить свою собственную силу в войне и сборе налогов, а также ослабить своего противника.

Плебеи здесь начинают приобретать как юридически, так и фактически постоянно растущие права, различные привилегии права собственности, возможно, самоуправление в общих делах и свое собственное отправление правосудия; таким образом, они поднимаются в такой же степени, в какой опускаются обычные свободные люди, пока

эти два класса не встречаются и не сливаются в одну массу, приблизительно на одном юридическом и экономическом уровне. **Наполовину крепостные лэндлордов, наполовину подданные государства, они представляют собой характерное явление феодалного государства, которое еще не признает никакого четкого различия между публичным и частным правом, которое, в свою очередь, является прямым следствием своего собственного исторического развития — господства в форме государства с целью присвоения выгод частных экономических прав.**

Часть Г. Этническое смешение и объединение народов

Правовое и социальное объединение деградировавших свободных людей и возвышенных плебеев отныне неизбежно ведет к этническому взаимопроникновению. Если вначале поверженным народам не разрешалось вступать в браки или иметь социальные связи со свободными людьми, то в настоящее время такие препятствия уже не сохраняются; в любой отдельно взятой деревне социальный класс определяется уже не происхождением от господствующей расы, а скорее своим богатством. И часто может возникнуть такая ситуация, когда чистокровный потомок воина-скотовода должен зарабатывать себе на жизнь в качестве полевого работника, нанятого на работу столь же чистокровному потомку бывших крестьян-крепостных. Социальная группа подчиненных в настоящее время сформирована из части бывшей этнической властвующей группы и части бывшей подвластной группы.

Мы говорим, что сформирована только из части, потому что другая ее часть к этому времени была объединена с другой частью старой этнической властвующей группы в единый социальный класс. Другими словами, часть плебеев не только достигла того положения, до которого опустилась масса простых свободных людей, но и поднялась далеко за его пределы, поскольку она была полностью при-

нята в господствующую группу, которая тем временем не только значительно возросла, но и значительно сократилась в численности.

И это тоже универсальный процесс, встречающийся во всей истории; потому что везде он с одинаково непреодолимой силой вытекает из самих предпосылок феодального господства. «*Primus inter pares*» (первый среди равных), будь то обладатель центральной власти или какой-нибудь местный властитель, принимая титул князя, требует более гибких инструментов для своего господства, чем можно найти среди своих «сослуживцев». Последние представляют собой класс, который он должен подавить, если ему хочется подняться, — и это есть и должно быть целью каждого, поскольку на данном этапе стремление к власти равнозначно цели самосохранения.

В этом стремлении ему противостоят его несносные и упрямые двоюродные братья и его мелкие дворяне, — и по этой причине мы находим при каждом дворе, от двора суверенного короля могущественной феодальной империи до владельца того, что едва ли больше, чем крупное поместье, до людей незначительного происхождения в качестве доверенных чиновников, наряду с представителями господствующей группы, которые во многих случаях под маской чиновников князя, по сути, являются «эфорами», разделяющими власть князя как полномочные представители своей группы. Давайте вспомним про принца Индуну при дворе царей Банту. Поэтому нет ничего удивительного в том, что принц имеет полное доверие к своим, принадлежащим ему людям, чем к этим досаждающим и амбициозным дворцовым советникам, к людям, чье положение неразрывно связано и зависит от его собственного и которое будет разрушено с его падением*.

* Один из наиболее примечательных примеров можно найти в случае Маркварда Аннвайлера, маркиза Анконы и герцога Равенны, сенешала Генриха VI, который, после смерти императора Генриха VI, оспаривал власть регентши

Здесь исторические ссылки почти излишни. Всем известно, что при дворах западноевропейских феодальных королевств помимо родственников короля и некоторых благородных вассалов находились также элементы из низших групп, занимающие высокие посты, например священнослужители и великие воины плебейского сословия. Среди ближайших последователей Карла Великого, как известно, были представлены все расы и народы его империи. В сказаниях о Теодорихе Готе в саге Дитриха о Нибелунгах также находит отражение подъем храбрых сыновей подчиненных рас. В дополнение к этому следует добавить несколько менее известных примеров.

В Египте, еще в Старой Империи, наряду с царскими чиновниками феодальной знати, являющимися потомками скотоводов-завоевателей, управляющих своими округами как представители короны, как представители с неограниченной властью, была «масса дворцовых чиновников, с вверенными им определенными функциями правительства». Все они «возникли из слуг, нанятых при дворах князей, таких как военнопленные, беженцы и прочие»¹²⁷.

Басня об Иосифе показывает положение дел, известное в то время как обычное явление, когда раб поднялся до положения всесильного государственного министра. В настоящее время такая карьера возможна при любом восточном дворе, например в Персии, Турции или Марокко и т.д. В случае старого маршала Георга Дерфлингера* во времена Фридриха Вильгельма I, великого Курфюрста Бранденбурга, и в более позднее время мы имеем пример перехода развитого феодального государства в более современную форму государства, мощь которого была умножена на бесчисленные примеры других храбрых воинов.

Констанции, действующей от имени ее сына, Фридриха II. См.: Boehmer-Ficker, *Regesta Imperii*, V, vol. I, No. 511. v. ad annum 1197). — *Прим. амер. перев.*

* Родился в деревушке в Верхней Австрии в семье бедных протестантов, начал службу простым рейтаром и дослужился до маршала кавалерии. — *Прим. перев.*

Добавим еще немного примеров от народов, «игнорируемых историей». Ратцель рассказывает о царстве Борну: «Свободные люди не потеряли осознания своего свободного происхождения, в отличие от рабов шейха; но правители больше доверяют своим рабам, чем своим родственникам и свободным соплеменникам. Они могут рассчитывать на преданность первых. И не только посты при дворе, но и защиту страны с древних времен предпочитали доверять рабам. Братья принца, а также более амбициозные или более эффективные сыновья являются объектами подозрений; в то время как самые важные места при дворе находятся в руках рабов, князей же ставят на посты, далекие от места нахождения правительства. Их жалованье выплачивается из доходов их должностей и налогов с провинций»¹²⁸.

Среди племени Фульбе «общество делится на князей, вождей, простой народ и рабов. Рабы короля играют огромную роль в качестве солдат и чиновников и могут надеяться на высшие должности в государстве»¹²⁹.

Это плебейское дворянство, порожденное царским двором, может, в некоторых случаях, быть допущено до великих имперских должностей, так что в соответствии с методом, указанным выше, оно может добиваться суверенитета над вверенной ему территорией. В развитом феодальном государстве оно представляет собой уже высшее дворянство; и ему обычно удается сохранить свое звание и свои привилегии, даже в том случае, когда какой-нибудь более могущественный сосед поглотит его государство посредством медиатизации*.

* Медиатизация — процесс утраты правителем непосредственной, *immediat*, подчиненности верховной власти короля; в общем смысле означает подчинение одной монархии другой монархии таким образом, что правитель подчиненного «опосредованного» государства сохраняет свой суверенный титул, а иногда и права местной власти.

Немецкая медиатизация была главной территориальной перестройкой, которая произошла между 1802 и 1814 г. в Германии посредством массовой медиатизации и секуляризации

Франкское высшее дворянство, безусловно, содержит в себе элементы из подчиненной нижней группы¹³⁰; и, поскольку от его крови произошло все высшее дворянство европейских цивилизованных государств, по крайней мере по прямой линии от брака, мы обнаруживаем здесь этническое слияние, как в современной группе подданных, так и в высшем сословии господствующего класса. То же самое относится и к Египту: «С падением царской власти во время распада высшие должностные лица злоупотребляют своей властью в личных целях, чтобы сделать свои должности наследственными в своих семьях и, таким образом, создать официальное дворянство, ничем не отличающееся от основной массы населения»¹³¹.

И наконец, такой же процесс, по тем же причинам распространяется и на нынешний средний класс, и низший слой правящего класса, чиновников и служащих великих феодальных вассалов. На первых порах все еще существует социальная разница между, с одной стороны, свободными вассалами, феодальными вассалами главного помещика, родственниками, младшими сыновьями других дворянских семей, обнищавшими сподвижниками того же округа, в редких случаях — вольнорожденными сыновьями крестьян, свободными беженцами и профессиональными головорезами свободного происхождения; и с другой стороны, прямо говоря, подчиненными гвардейцами, выходцами из плебеев.

большого числа имперских сословий. Большинство церковных княжеств, свободных имперских городов, светских княжеств и других мелких самоуправляющихся образований Священной Римской империи утратили свой независимый статус и были поглощены оставшимися государствами. К концу процесса медиатизации число немецких государств было сокращено с почти 300 до всего лишь 39. В строгом смысле этого слова медиатизация заключается в подчинении непосредственного (*unmittelbar*) государства другому государству, таким образом становясь опосредованным (*mittelbar*), в то же время, как правило, оставляя лишеного власти правителя со своими частными владениями и с рядом привилегий, в том числе правами феодала, такими как низшее правосудие. — *Прим. перев.*)

Но недостаток свободы продолжает прогрессировать, одновременно свобода теряет свою социальную значимость; и здесь правитель все более полагается на своих подчиненных плебеев, чем на равных себе или свободных людей. И на этом процесс слияния рано или поздно завершается. В Германии, еще в 1085 году, несвободное плебейское дворянство при дворце правителя занимает место с *servi et litones* (рабы и крепостные), а всего столетие спустя оно уже находится с *liberi et nobiles* (свободные и дворяне)¹³².

В течение тринадцатого века плебейское дворянство было полностью поглощено, вместе со свободными вассалами, рыцарским дворянством. Оба сословия, тем временем, и свободные, и плебейские дворяне имеют тенденцию становиться равными экономически; у обоих есть субинфеодации, феодальные поместья за обязательства службы при войне и междоусобной вражде; в то время как все владения «министров» или сержантов тем временем становятся такими же наследуемыми, как и владения свободных вассалов, так же как и наследные поместья немногих уцелевших мелких земельных лордов, принадлежащих еще к первоначальной знати, которые смогли пока избежать хищной хватки великих земельных княжеств.

Во всех других феодальных государствах Западной Европы развитие шло совершенно аналогично, в то же время его точный аналог находится на Дальнем Востоке, на краю Евразийского континента, в Японии. Даймио — это высшее, правящее дворянство; самурай — это рыцарство, служащее дворянство.

Часть Д. Развитое Феодалное Государство

Благодаря этому феодальное государство достигло апогея. В политическом и социальном плане оно образует иерархию многочисленных слоев, из которых, во всех случаях, нижестоящий слой обязан оказывать услугу вышестоящему над ним, а вышестоящий слой обязан защищать нижестоящий. Пирамида опирается на трудящееся население,

большую часть которого еще составляют крестьяне; избыток их труда, земельная рента, налоговые сборы, вся «прибавочная стоимость» экономических средств используются для поддержания высших слоев общества. Эта земельная рента от большинства поместий передается мелким держателям феодальных владений, за исключением тех случаев, когда эти поместья все еще находятся в непосредственном владении князя или короля и еще не были предоставлены в качестве феодальных владений. Владельцы поместий обязаны взамен исполнять предусмотренную военную повинность, а также, в некоторых случаях, выполнять работы или предоставлять трудовые ресурсы для экономического блага. Более крупный вассал, в свою очередь, обязан служить великим арендаторам короля; которые, в свою очередь, по крайней мере по строгому закону, несут аналогичные обязательства перед обладателем центральной власти и короны; в то время как сам император, король, султан, царь или фараон, в свою очередь, считается вассалом племенного бога на земле.

Таким образом, все идет от земли, начинается с полей, где крестьянство поддерживает и питает всех и поднимается до «Царя Небесного» посредством искусственно навязанного порядка рангов, который настолько ограничивает всю жизнь в государстве, что, согласно его обычаям и законам, ничто и никто, ни клочок земли, никакой человек не могут предстать иначе, чем в его скрепах*.

Поскольку все права, изначально созданные для простых свободных людей, были либо прибраны государством, либо были искажены князьями, захватчиками территорий, отсюда приходится признать, что свободный человек, не находящийся в каком-либо феодальном подчинении к какому-либо вышестоящему начальнику, фактически должен быть «вне закона» и не претендовать на безопасность или справедливость,

* В авторизованном английском переводе используется слово *fold*, которое еще переводится как «загон для скота, особенно для овец». — *Прим. перев.*

т.е. быть вне сферы действия той власти, которая в единоличном, монопольном порядке заведует правосудием.

Поэтому правило *nulle terre sans seigneur**, которое на первый взгляд нам кажется ярким проявлением феодального высокомерия, на самом деле является кодификацией проявления нового правового государства или, по крайней мере, устранением некоторых архаичных, уже более недопустимых пережитков полностью отброшенного, примитивного феодального государства.

Те исторические философы, которые претендуют на то, что могут объяснить каждое историческое развитие с позиции «качества рас», ставят в центр своего стратегического положения предполагаемый факт, что только германцы благодаря своей превосходной «политической способности» сумели мастерски возвысить строение развитого феодального государства. Сила этого аргумента ослабла, с тех пор как они стали осознавать, что в Японии монголоидная раса достигла идентичного результата. И никто не может сказать, чего могли бы достичь негритянские расы, если бы им не помешало вторжение более сильных цивилизаций, ведь Уганда не так сильно отличается от империй Каролингов или Болеслава Красного, за исключением лишь того, что люди в Уганде не имели всяких «традиционных ценностей» средневековой культуры: эти ценности не были какой-то заслугой германских рас, они были даром благополучия, которым наделяла их судьба.

Гипотеза об одаренности какой-либо конкретной расы не использовалась нами, и мы в ней не нуждаемся. Как говорил Герберт Спенсер, это самая глупая, из всех мыслимых попыток, попытка построить философию истории.

Переводя дискуссию с негров на «семитов», мы получаем упрек в том, что эта раса абсолютно не имеет способности к образованию государств. И все же мы находим, тысячи лет назад, точно такую же феодальную систему, тот же самый феодальный строй, разработанный семитами, если

* Нет земли без господина. — *Прим. перев.*

основателями Египетского Царства были семиты. Можно было бы подумать, что следующее описание Рихарда Турнвальда* будто бы взято из периода императоров Гогенштауфенов: «Кто бы ни вступил в ряды какого-нибудь могущественного властелина, впоследствии он был защищаем им, как будто тот был главой семьи. Такое отношение... указывает на фидуциарное отношение, похожее на вассальное. Это отношение покровительства в обмен на преданность имеет тенденцию становиться основой организации всего египетского общества. Оно является основой отношений феодала к своим вассалам и крестьянам, как и отношений фараона к своим чиновникам. Сплоченность индивидов в группах, подчиняющихся общим покровителям, основана на этом воззрении, вплоть до самой вершины пирамиды, до самого короля, которого считают как "наместником своих предков", так и "вассалом богов на земле"... Тот же, кто находится вне этой социальной скрепы, тот "человек без хозяина", он лишен всякого намека на покровительство и, соответственно, находится «вне закона»¹³³.

Первой характеристикой развитого феодального государства является многократная градация рангов, выстроенных в единую пирамиду взаимной зависимости. Его вторая отличительная особенность — слияние и объединение этнических групп, первоначально полностью разобщенных. Сознание о различии рас, присутствующее ранее, теперь полностью исчезает. Здесь остается только различие классов.

Поэтому отныне мы будем иметь дело только с социальными классами, а не с этническими группами. Социальный контраст — это единственный правящий фактор в жизни государства. В соответствии с этим этническое групповое сознание заменяется на классовое сознание, а групповые теории — на классовые теории. Однако они ни в малейшей степени не изменяют своей сущности. Новые господству-

* *Richard Thurnwald* — австрийский социолог и антрополог, основатель немецкой школы социальной антропологии, известен своими исследованиями социальных институтов. — *Прим. перев.*

ющие классы столь же полны своего божественного права, как и прежняя господствующая группа; и вскоре становится очевидно, что и новому служащему дворянству удастся быстро и основательно забыть о своем происхождении от побежденной группы; в то время как прежние свободные люди теперь деклассированы, как и бывшие мелкие дворяне, они опустились в социальной градации, и отныне они так же крепко ругают «естественный закон», как его прежде ругали только покоренные племена.

Развитое феодальное государство, по сути, является точно таким же, каким оно было еще на второй стадии формирования государства. Его состояние — это господство, причина его существования, это политическая эксплуатация экономических средств, ограниченная публичным правом, которое вынуждает правящий класс предоставлять соответствующую защиту и которое гарантирует низшему классу право на защиту в той мере, в какой он продолжает работать и платить налоги, чтобы он мог выполнять свой долг перед своими хозяевами. По своей сути правление не изменилось, оно стало распределено только на несколько классов; и то же самое относится к эксплуатации, или, как это излагает экономическая теория, произошло «распределение» богатства.

Как и прежде, так и сейчас внутренняя политика этих государств вращается по той же орбите, которая была предопределена взаимодействием сил центробежного отталкивания от прежних групповых конфликтов, а теперь еще и классовых войн, которым противодействует сила центростремительного притяжения общих интересов. Как и прежде, так и сейчас его внешняя политика определяется стремлением его господствующего класса к новым землям и крепостным, стремлением к расширению, вызванным в то же время все еще существующей потребностью в самосохранении. И несмотря на то что развитое феодальное государство дифференцировано намного детальнее и интегрировано намного сильнее, развитое феодальное государство в итоге есть не что иное, как первобытное государство, достигшее своей зрелости.